

«СОБИРАЮ ВРЕМЯ, СЕМЕНА ПРОРАСТУТ В ИНЫЕ ВРЕМЕНА...»

Отечественные политики всё никак не сойдутся в поиске сакрального российского пути. А по мне, если он вдруг откроется и предприимчивые люди очистят его от всяческих препятствий, поставив вдоль красной линии офисы, отели, супермаркеты и т. д., это будет невыносимая скукотища. На пути российской словесности уже выстроили множество книжных балаганов. Да пусть будут, но не столько, что за ними не видно традиционных библиотек для вдумчивых читателей.

Я, в моём солидном возрасте, зря уже не читаю. Ищу то самое – о сакральном пути, к которому каждый талантливый мыслитель подходит своеобразно, порой неожиданно, отчего кажется, что это вовсе и не один путь, а «хромосомное» сплетение с удивительными историческими «мутациями».

Недавно познакомился с новым поэтическим сборником Бориса Бурмистрова «Мой род небесный и земной». Открыл книжку, надеясь найти новые откровения глубокого, правдивого поэта. И не ошибся. В книге – боль от забвения стези, завещанной предками.

Задуматься заставляют первые же искренние строки: «Жил и жил, никого не виня в том, что видел своими глазами. Всех прощаю, простите меня. А за что – вы придумайте сами». Но придумывать нет надобности, поскольку в следующем стихотворении – отгадка: «Во времена тотального вранья все стрелы зла направлены в меня. Всё потому, что за моей спиной – мой древний род: небесный и земной». Соединим обе мысли: простите за то, что вашему вранью противоречит история моего рода. Иначе сказать: живите как хотите, но род свой я не предаю ни памятью, ни умом, ни сердцем...

И стал я искать строки, объясняющие мне эту противоречивость. Чем дальше углублялся, тем больше возникало вопросов: «Привыкнуть невозможно ко всему, ни к доброму исходу, ни к худому <...> Всё доброе с добром в душе приму, не поддаваясь обаянию злему». Значит, всё, что происходило в последние десятилетия, поэт оценивает неоднозначно. «Обаяние злое» – это важный образ для моего понимания. Помню-помню, как миллионы поддались обаянию перемен и помогли выплеснуть с грязной водой многие прежние ценности...

В унисон ли с поэтом думаю? Уже с нетерпением читаю следующие строки: «Вся надежда нынче на мессию, а другой надежды, видно, нет. Мне б вернуться в Русскую Россию через сто и даже триста лет». Акцент сделан на слове «Русская»: неслучайно

в нём большая «р». Не о русских генах речь, а о русской исторической и культурной традиции, которая как будто бы под угрозой. Передо мною новый вопрос: и в чём эта угроза?

Листаю сборник, подбираюсь к ответу: «Сегодня, нынче всё наоборот – нужны сегодня миру горлопаны, безумных зрелищ требует народ, где были божества – там истуканы. Кто остановит этот блуд и бред, кто за других взойдёт на путь кандалный? Поэт в России, если он поэт, он – боль и кровь земли многострадальной».

Теперь проясняется для меня мысль изначально: всех прощаю, но блуда и бреда, как для кого-то они ни соблазнительны, не принимаю и скажу об этом. Скажу, потому что больно за Россию, за мой род, прошедший дорогой испытаний: «Мы торгуем всем святым, и душой, и телом... Над землёю серый дым в беспробудно белом. Мы живём, не чужа лет, и под вой метели натворили столько бед и творим доселе».

Добились того, «что тает доброта, как снег весенний, вглубь земли уходит. И жизни безоглядной суете нас друг за другом строем гонит, гонит». В стихотворении «Исход» – продолжение видения: «Я вижу, как бредёт народ с сумой по выжженной равнине». И когда это началось? Версия автора в стихотворении «Панорама 90-х годов»: «В доме рама оконная выбита, белый свет с темнотой обнялись. Перемешана, смешана, выпита поколения целого жизнь».

Что же это: в блуде и торгашестве Родину потеряли? Осталось пепелище? Нет ещё, но осознать надо, к чему идём: «Прокатился век, словно снежный ком, потемневший снег призасыпал дом». Бывало часто, что на пепелище вновь остраивали город и возрождали традиции. Но возможно ли такое по истечению многих лет? Поэт рассуждает об этом в стихотворении «Музей времени»: «Мир меняет привычный свой вид, расширяет пределы пространства. Только дом этот странный стоит на границе незримого царства».

Что за царство такое? Обратимся к строчкам из «Недопитого вина»: «Впереди на много лет мы загадывали счастье. Жизнь прошла, а счастья нет – разобрали на запчасти, на «фиаты», на «форды» и на прочие «седаны», и остались от мечты фантастические планы». Ну понятно, это о советском времени и демонтаже удивительной цивилизации, где было место и чудовищному насилию, и крылатым мечтам в романтическом пространстве творчества.

Поэт надеется, что возвращение лучшего, близкого сердцу возможно, если быть неутомимым сеятелем: «Рассыпаю время, семена долго-долго всходят, и в пространстве вызревают чьи-то имена, возвращаясь из далёких странствий». Стихи Бориса Бурмистрова – его главный посев на «пепелище», к которому невозможно привыкнуть человеку иной цивилизации: «Как легко мы ломаем устои наших предков, чего же мы стоим?».

*Россия – Сфинкс. Ликуя и скорбя
И обливаясь чёрной кровью,
Она глядит, глядит, глядит в тебя
И с ненавистью, и с любовью.
Да, так любить, как любит наша кровь,
Никто из вас давно не любит!
Забывали вы, что в мире есть любовь,
Которая и жжёт, и губит!*

Речь об этом и у Бурмистрова: «О далекие предки мои, россияне – сыны вольнодумства! В моём сердце донныне горит ваш огонь доброты и безумства».

Жребий наш – лихие испытания географического и исторического порядка. Безвольный народ их не пройдёт. А проявление воли – это трата энергии. Её восполняют Любовь и Вера. Остальное – производное от них... И соборность, общинность – тоже: только объединяясь в целое, не унижая, а подчиняя собственное «я», можно спастись. Для этого нужна неистовая любовь, которая в сражении оборачивается яростью, а в мирное время проявляется добротой, милосердием, заботой, прощением или скорбью...

Отражение этого мы находим в живых картинах Бориса Бурмистрова. В каждой – судьба человеческая:

*Послевоенная братва –
Пилотки, звёзды, гимнастёрки,
И по дворам бредут слова:
«Вдова, калека, похоронки...».
Хоть это было так давно –
Страданья, слёзы ожиданья,
Донныне светится окно,
Там, где жила вдова Наталья...*

Вот «колорит» тогдашней жизни. И не обязательно заглядывать в каждый город, в каждое селенье того времени – везде то же самое. В малом, как в зеркале, видится большое: великое испытание, пройденное народом, его стезя, его судьба... Только через призму таких преодолений можно увидеть генный спектр народа.

*Там по соседству – инвалид
Ей бередил гармошкой душу...
Она за то его простит
В ту зимнюю и злую стужу.
Когда его в короткий гроб
Положат бабки, отпевая,
Она ему окрестит лоб
И, в путь последний провожая,
Смахнёт слезу и запоёт,
Да так отчаянно и громко:*

Чего же мы стоим такие? Вот беглый портретик: «Где-то совесть на задворках, где-то стыд скрулит в ночи, и пылятся сны на полках, где жируют богачи. Где дерутся, как собаки из-за брошенной кости».

Боль поэта безутешна не только из-за утраты родины, но и из-за потери родных людей, случившейся в смутное время. И он спрашивает себя: «Снова дождь надо мной проливной, туча чёрная город закрыла... Что-то доброе было со мной – неужели всё боль заглушила?». И в «Утре нового дня» он признаётся: «Что-то в мире вдруг произошло, отчего-то вдруг светлее стало. Неужели мировое зло превратилось в доброе начало? Я погладил ласково змею: «Баю-баю, баюшки-баю».

Если отодвинуть личную боль, не всё однозначное в новом мире, не всё одноцветно, а попросту сказать – не всё черно... Однако самого поэта баюкать бесполезно: «Собираю время, семена прорастут в иные времена...». Задача у него, право, не из лёгких: «Давят на плечи тонны, тысячи, тысячи тонн. Мир надо мною бездонный – сколько же весит он?».

В стихотворении «Вольнодумцу» поэт успокаивает себя смирением перед неизбежностью стычек и новых испытаний: «Поделом тебе, брат, поделом, чтоб не лез без нужды на пролом». «Без нужды» надо бы взять в кавычки, ибо поэт чувствует долг перед родом и Богом: «Спасибо, Господи! За всё – я послужу тебе ещё».

Сборник мне открыл поэта явно социальной направленности. Он и сам намекает: «Надо выстрадать право называться поэтом. Пустобрешная слава не поможет при этом». «Пустобрешная слава»... точно сказано. Оригинал от поэзии, гонящих экзистенцию, где «я» – сущность всего, или усаждающих публику разного рода кривляньями, ныне хоть пруд пруди. Мало народных поэтов, которые ощущают себя преемниками традиций рода, земли...

Чтобы объяснить Бурмистрова, мало исследования одного его поэтического сборника. Книжка «Мой род – небесный и земной» – отличный повод для разговора, но она – продолжение откровений прежних книг: «Тёплое дыхание зимы», «Живу! И радуюсь, и плачу...», «Не разлюбим!».

Заглянем и в них, чтобы понять хотя бы суть бурмистровой «родовы». В сборнике «Живу! И радуюсь, и плачу...» есть стихотворение с таким названием. И вот что в нём узнаём о «родове»: «Это дерево вечно растёт, его корни в глубинах пространства, в кроне, в листике каждом течёт кровь язычества и христианства». Одна кровь: поэт чувствует неизменную традицию тысячелетий, позволившую выжить, укрепиться и телом, и духом, слиться с Землёю и Небом над ней.

«Перемешана, смешана кровь, и от буйства к спокойствию духа прорастала и крепла Любовь, и коснулась дыханием слуха»... Буйство и спокойствие – в нашей крови... Разве не так?

163

*«Наверно, милый мой идёт,
На нём защитна гимнастёрка...».*

Это истинная страдальческая песнь души, а не словесное кривлянье многих нынешних мальчиков и девочек разного возраста... Народная судьба, народность, сама жизнь – вот что поистине важно, ценно, интересно и красиво. Это заметил ещё Чернышевский. Это прошло красной нитью через всю нашу великую русскую литературу, через советскую литературу с её героями Отечественной, страдальцами русской деревни, правдоискателями, народными философами, чудиками...

А сегодня в литературе делаются попытки отразить разлом 90-х и через него метаморфозы в русском характере. Но это отдельная тема...

Я же отмечаю отражение болевого синдрома в поэзии Бориса Бурмистрова, в его последней книге «Мой род небесный и земной». Можно, пожалуй, теперь говорить о родах: один идёт стезёй завещанной, другой – забвения тропой...

И вот совет-завет поэта:

*Не бойся правды, грех страшнее,
Признаться вовремя сумей.
Со стороны оно виднее,
Где ценный знак, а где пырей.
И нелегко в глухих потёмках
Свет Божий истины найти,
Чтобы потом в своих потомках
Продленье жизни обрести.*

Юрий Михайлов,
журналист, член Союза писателей России,
г. Берёзовский